
РЕЛИГИОЗНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ

Волобуев А. В. *

Статья посвящена рассмотрению вопроса о росте влияния идеологий религиозного фундаментализма в различных его проявлениях в современном глобализованном мире. В статье описаны социально-политические и социально-психологические причины развития идей религиозного фундаментализма, а также дается прогноз их дальнейшего развития.

Ключевые слова: глобализация, фундаментализм, ислам, православие, религиоведение, салафизм, ваххабизм.

The article is devoted to the problem of increasing influence of the ideas of religious fundamentalism in its various manifestations in the contemporary globalized world. There are described socio-political and socio-psychological causes of development of ideas of religious fundamentalism and a forecast is given of its further advancement.

Keywords: globalization, fundamentalism, Islam, Orthodoxy, religious studies, Salafism, Wahabiism.

Теоретики неолиберальной теории глобализации и постиндустриального общества описывают результаты процесса глобализации как «конец ограниченности благ» (Д. Белл), как создание единого глобализованного общества всеобщего благоденствия, где все основные потребности каждого человека будут удовлетворены, а сам человек будет в целом избавлен от тяжелой монотонной физической работы и сможет реализовать свою многообразную творческую природу. В процессе унификации глобализованного мира пространственные, государственные, этнокультурные и религиозные границы, разделяющие людей, стираются или становятся прозрачнее, а система ценностей трансформируется в консюмеристскую и гедонистическую, формирующую общество высокого потребления.

Практика же показывает, что процесс глобализации приводит к качественному улучшению жизни преимущественно в уже развитых и благополучных государствах и регионах. В глобальном же масштабе мир трансформируется из колониального в неоколониальный. «Глобальный неоколониализм – это система неравноправных экономических и политических отношений, навязанных западными странами всему остальному миру, основанная на их военной мощи и деятельности монополистического капитала, международных финансовых организаций и ТНК» [Горелов 2014: 60]. Формируется глобальная система разделения труда, где бывшие колониальные государства занимают нишу финансово-экономических центров, контролируя мировую финансово-политическую систему, тогда как другие регионы оказываются аграрно-сырьевыми придатками. Госу-

---

* Волобуев Алексей Викторович – к. ф. н., доцент Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: urticaferox@yandex.ru.

дарства, загнанные глобальной системой разделения труда в подобное положение, теряют значительную часть своего суверенитета, лишаются возможности проводить самостоятельную протекционистскую политику, таким образом, консервируясь в состоянии доиндустриального или раннеиндустриального общества. «Страны, менее развитые в области науки и технологий, получают свое место, которое очень трудно изменить... Транснациональный рынок, декларируя всеобщую конкурентность, заинтересован в сохранении его специализированности и ограничения возможности изменения его конфигурации» [Миронов 2012: 21].

Система ценностей общества высокого потребления агрессивно вытесняет традиционные системы ценностей, рисуя картины всеобщего благоденствия и потребительского рая – но из-за усугубления проблемы неравномерности развития этот «рай» все больше отдаляется от большей части людей. Таким образом, нарастающий разрыв между гедонистическим консюмеристским идеалом и беспросветной действительностью оказывается плодородной почвой для появления идеологий, открыто противостоящих вестернизации. С другой стороны, глобализация угрожает культурной и религиозной самобытности, идентичности, многие рассматривают ее как препятствие для сохранения своей культурной, национальной и религиозной традиции. Потеря своей этнокультурной или этноконфессиональной принадлежности во все стремительнее теряющем свои границы мире приводит человека в различные группы по интересам, в том числе в религиозные общины, где проповедуется идея исключительности адептов данной религиозной группы и пренебрежительного, а порой и враждебного отношения к «чужим».

Таким образом, процесс глобализации, подразумевающий культурную унификацию и секуляризацию, имманентно содержит в себе основу для социального и личного протеста. Социальные и этноконфессиональные группы, маргинализованные глобализованным миром, ищут свою идентичность в возврате к ценностям и идеалам прошлого, то есть в фундаменталистских идеологиях. Поскольку до завершения процесса глобализации основным источником и транслятором идеалов и ценностей оказывалась религия, то наиболее распространенной формой антиглобалистских фундаменталистских идеологий оказывается религиозный фундаментализм.

Термин «фундаментализм» возник в 70-е гг. XX в. для характеристики пестрого набора учений евангелических церквей, сформировавшихся в пику модернизации и либерализации христианского вероучения в целом. В частности, евангелисты выступали за буквальное толкование Библии, сверхъестественных явлений и чудес. В массовом сознании фундаментализм стал известен после принятия Акта Батлера (1925 г., штат Теннесси, США), который запрещал преподавание в школах и университетах любых небиблейских теорий происхождения человека, в частности теории эволюции. Особую актуальность тема религиозного фундаментализма получила после исламской революции в Иране в 1978 г., когда он стал официальной идеологией государства – регионального лидера. С тех пор идеологии религиозного фундаментализма стали существенной силой на геополитической арене. В чем же причины этого явления?

Самым влиятельным проявлением фундаментализма на современной геополитической арене можно без сомнения назвать исламский фундаментализм, ставший официальной идеологией многих политических движений и даже государств (первым из них был Иран). Исламский фундаментализм, особенно его салафит-

ская форма (от араб. *ас-салаф* – предки), – идеологическая основа подавляющего большинства современных исламистских течений и организаций. Салафизм, по сути, – тоталитарная политическая идеология теократического государства. «Лозунг “аль-ислам хуа аль-халь” (“Ислам – вот решение”) означает, что для наведения порядка в мусульманском мире, для искоренения социальной несправедливости, безнравственности и коррупции, для устранения “неправедных правителей”, равно как и для защиты от пагубного воздействия чуждых культурных и поведенческих моделей Запада, необходимо, прежде всего, очищение самого ислама от вредных наслоений, возвращение к незамутненным истокам этой религии» [Мирский 2002: 78]. Салафиты самого различного толка исходят из убежденности в том, что исламский мир находится в состоянии упадка, вызванного отходом от традиционных ценностей и этики ислама, отказом от исламской этико-правовой системы – исламского шариата. Фундаменталисты требуют возвращения к законам, нормам и ценностям ислама, строя, таким образом, социально справедливое государство. При этом фундаменталисты зачастую тяготеют к своеобразному панисламизму, так как исламское государство должно объединять в себе разрозненные национальные образования исламского мира или даже всю мусульманскую общину – *умму*.

Таким образом, идеология исламского фундаментализма черпает свою энергию в первую очередь из острой социальной несправедливости, свойственной глобализованному миру и все стремительнее нарастающей в обществе высокого потребления, где богатые становятся все богаче, а бедные – все беднее.

В целом в исламском фундаментализме можно выделить пеструю палитру различных течений и учений разнообразного толка и степени агрессивности. Наверное, самым влиятельным радикальным и экстремистским фундаменталистским течением в исламе можно назвать ваххабизм, возникший в среде кочевников-бедуинов Аравийского полуострова и распространивший свое влияние по всему мусульманскому миру. Ядром идеологии ваххабизма является очищение ислама от всех новшеств (араб. – *бида*) и наслоений, то есть ваххабизм представляет собой фундаментализм в чистом виде. Его яркой чертой является крайняя нетерпимость к представителям иных конфессий, атеистам и даже тем мусульманам, которые не исповедуют «чистый» (с точки зрения ваххабитов) ислам, например, к представителям многочисленных суфийских течений. При этом единственной приемлемой формой власти ваххабиты считают власть, строго следующую законам шариата в трактовке традиционного Ханбалитского мазхаба. Для ваххабитов характерно деление территории на «землю закона» (араб. – *Дар аль-Ислам*), где строго выполняются законы и нормы шариата, и «землю войны» (араб. – *Дар аль-Харб*), где законное наказание неприменимо (проще говоря, за свои поступки мусульманин будет отвечать не перед законом, а лишь перед Богом). Агрессивная ригористическая риторика и нетерпимость стали причиной объявления ваххабитских учений экстремистскими и запрета их во многих странах (в частности, в России). Впрочем, для некоторых «нефтяных монархий» ваххабизм является, по сути, государственной идеологией (Саудовская Аравия) и во многом определяет их агрессивную внешнюю политику.

Крайние формы исламского фундаментализма представляют серьезную опасность для современных государств и глобализованного общества. Паразитируя на чувстве социальной несправедливости, салафитские идеологии вместо ускорения

экономического развития предлагают агрессивное эгалитарное решение вопросов социального неравенства, коррупции и беззакония в рамках системы, сформированной в Средневековье, но совершенно не учитывающей стремительного изменения мира. Таким образом, многие исламские фундаменталистские течения имеют преимущественно разрушительную, антигосударственную направленность, поэтому зачастую оказываются плодотворной идеей для формирования террористических организаций («Аль-Каида», «Братья-мусульмане»^{**}). Особенно опасными фундаменталистские течения становятся тогда, когда они формируются в идеологию открытой вооруженной борьбы с западными ценностями в целом. В качестве яркого примера можно привести «Боко харам»^{**} (букв. «западное образование запрещено»), нигерийскую террористическую организацию, объявившую войну вестернизации вообще под лозунгом установления норм исламского шариата. Боевики этой организации во многом ответственны за непрекращающийся хаос на севере Нигерии, которая в значительной степени находится под контролем группировки. Под лозунгами борьбы со всем западным боевики устраивали огромное количество терактов необычайной жестокости. В частности, 14 апреля 2014 г. боевики «Боко харам» похитили 276 школьниц, насильно выдав их замуж. Таким образом, радикально настроенные фундаменталисты возлагают ответственность за все социальные и экономические проблемы на абстрактный «Запад», борются с западным во всех его проявлениях, не разбирая средств, и таким образом способствуют еще большему усугублению проблем, на почве которых исламский фундаментализм и развивается. То есть в своей разрушительной силе фундаментализм становится самовоспроизводящейся системой.

Если рассматривать потенциал идеологии исламского фундаментализма с созидательной точки зрения государственного строительства, то мы увидим, что фундаментализм является весьма эффективной идеологической основой государств с сугубо экспортно ориентированной экономикой. Заметим, что именно фундаменталистские идеологии стали основой так называемых «нефтяных монархий». Здесь проявляется эффективность исламской религиозно-правовой системы (араб. – *фикх*) в справедливом перераспределении благ. Поскольку в «нефтяных монархиях» эти самые «блага» бьют прямо из-под земли и не требуют значительных усилий для своего производства, то задача построения устойчивого и справедливого общества, по сути, и сводится к задаче перераспределения благ. А эту задачу государство, построенное в соответствии с принципами исламского фундаментализма, в состоянии решить. Но ориентированные на прошлое фундаменталистские течения не содержат в себе потенциала развития. Поэтому динамика экономического роста фундаменталистских государств полностью зависит от роста доходов от добычи полезных ископаемых. Лишь Исламская Республика Иран демонстрирует устойчивый экономический рост в размере 1,5–2,5 % ВВП в год, несводимый лишь к росту доходов от экспорта сырья. Эта проблема отчетливо осознается политическими элитами многих фундаменталистских государств, которые стремятся предпринять различные шаги для ее решения, развивая другие отрасли экономики. Но ригористская фундаменталистская установка, внедренная в массовое сознание, препятствует активному вовлечению в процесс экономических реформ масс коренного населения.

---

^{**} Данные организации признаны в РФ террористическими, их деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

Поскольку фундаментализм апеллирует к социальной несправедливости, коррупции и беззаконию как к неотъемлемым чертам модернизации и глобализации, эта идеология оказывается выражением социального протеста масс. Но фундаменталистские течения не сводятся к экстремистским идеологиям и организациям, а вплетаются в исламское религиозное сознание в целом. Фундаменталистские идеи в значительной степени трансформировали ислам в целом и пустили глубокие корни в массовое сознание многих мусульман. В частности, справедливо утверждение, что неприятие нововведений в исламе (*бида*) характерно для сознания современного мусульманина вне зависимости от направления или мазхаба, которые он исповедует.

Поэтому фактор исламского фундаментализма требует взвешенной и продуманной государственной политики в области религии и взаимодействия с религиозными организациями. В частности, важным является вопрос, насколько фундаменталистские идеи совместимы с либеральными ценностями. Требование подчинения воле большинства, фундаментальное для либеральной демократии, прямо противоречит идеологии исламского фундаментализма: «За Бога не голосуют, Богу подчиняются» [Kramer 1993: 22]. Но отсутствие в фундаменталистских идеологиях сколько-нибудь продуктивной социально-экономической программы, выходящей за пределы перераспределения благ, делает возможной интеграцию либеральных ценностей даже в сознание религиозного человека, так как эта лагуна исламской идеологией не заполнена. Таким образом, взвешенная религиозная политика, направленная на поддержку умеренных и дискредитацию экстремистских течений исламского фундаментализма позволяет направить социальный протест маргинализированных масс населения в традиционное религиозное русло, купировав вместе с тем опасные экстремистские тенденции, особенно поддержку радикальных салафитских течений из-за рубежа.

Фундаменталистские настроения свойственны и современному российскому православию и проявляются с самого начала религиозного возрождения в 90-х гг. XX в. Можно выделить три основных компонента современного православного фундаментализма:

1. Критика либеральной социально-политической модели, в особенности рыночной экономики с ее социальной несправедливостью.
2. Этатизм, выражающийся в патриотической риторике и противопоставлении российской государственной идентичности абстрактному «греховному» Западу. Эта черта особенно ярко проявляет себя в свете социально-политических потрясений на постсоветском пространстве.
3. Антиэкуменизм, отвергающий религиозный диалог и требующий возврата к «изначальному» христианству [Степанова 2008].

Центр тяжести системы идей православного фундаментализма находится в принципиальном отстаивании концепции «особого пути» России. То есть православный фундаментализм возвращает нас еще к социально-мессианским концепциям монаха Филофея и Н. Я. Данилевского и эмоционально резонирует с идеей величия России. Подобно другим формам фундаментализма, православный фундаментализм стремится играть существенную роль во внутренней и внешней политике государства. Политологические концепции заимствуются и вплетаются в ткань фундаменталистского мировоззрения. Например, по словам патриарха Кирилла, «мы выступаем за многополярный мир, под которым мы понимаем не

только полюсы политической власти, как понимают многие политики, но сосуществование цивилизационных моделей» [Митрополит... 2007].

Помимо социально-экономических предпосылок фундаментализма можно также выделить его социально-психологические предпосылки. Процесс глобализации размывает границы субъективного пространства, предоставляя субъективно безграничные возможности, но вместе с тем разрушая чувство защищенности, источником которого была идентичность, замкнутая в пространстве общины, нации, этноса или религиозной группы. Но глобализация размывает границы субъективного пространства, «огораживающие» идентичность, разрушая, таким образом, и это чувство. По выражению немецкого психолога Д. Функе, «в фундаментализме становится зримой вершина айсберга “тоски по безопасности”» [Funke 1991: 87]. В эпоху чрезвычайно стремительных перемен, направление которых непонятно человеку, а разрушение традиционных аксиологических систем ломает его ценностную систему координат, значительная часть людей стремится к восстановлению идентичности как своеобразной «зоны комфорта». Таким образом, социально-психологический процесс обращения в фундаментализм любого рода схож с образованием субкультуры. Но так как фундаментализм отсылает к вполне реально сформированной в прошлом мейнстримной культуре, то процесс не замыкается на небольшом сообществе контркультурной направленности, а стремится стать мейнстримом локальной культурной идентичности. Человек получает возможность идентифицировать себя через служение определенным фундаменталистской системой ценностей абстрактным целям, социализируется через идентичность и тем самым избавляется от положения «белки в колесе», обрекающего человека на вечную неудовлетворенность. Необходимо отметить, что фундаменталистская психология выключает себя из культурного диалога. Это означает, что фундаментализм играет две противоречащих друг другу роли: культуры и контркультуры. Данное противоречие разрешается просто: фундаментализм выступает контркультурой для глобализованной унифицированной культуры, но при этом стремится стать локальным мейнстримом. Например, православный фундаментализм обособляет «православный мир», противопоставляя его остальному миру.

Фундаментализм в целом является реакцией на протекающие в современном обществе процессы глобализации и секуляризации. Как социокультурный феномен современный фундаментализм оказывается обратной стороной процесса глобализации и вестернизации. Его контекст – секуляризация как освобождение человека и общества от духовной монополии духовенства и религиозных догм, упадок религиозных институтов, размывание традиционных систем ценностей и утрата этикой доминирующего положения в социализации человека. Религия в глобализованной культуре теряет свою институциональную замкнутость и переходит скорее в область личных переживаний. Фундаментализм же возвращает ей утраченную роль социального и политического института.

Подводя итоги, мы можем прийти к следующим выводам. Религиозный фундаментализм имеет социально-политические и социально-психологические корни. Социальной опорой фундаментализма являются преимущественно те массы людей, которые оказываются на низшей ступени пищевой цепочки общества высокого потребления, формируемого процессом глобализации. Таким образом, фундаментализм концентрирует в себе энергию социального протеста. Социально-

психологической основой фундаментализма является возвращение себе комфортных границ идентичности, недостижимых для унифицированной, «макдоналдизированной» глобальной культуры, особенно ее консюмеристской системы ценностей и специфической эстетики. Геополитической опорой фундаментализма становится стремление найти концептуальную альтернативу однополярному миру, сложившемуся после окончания холодной войны хотя бы на региональном уровне. Таким образом, фундаментализм оказывается обратной стороной процесса глобализации и имманентно присущим глобализованному миру. А это означает, что фундаменталистские течения будут трансформироваться вместе с глобализованным миром, и наше понимание мира никогда не будет адекватным без непрерывного исследования фундаментализма. «Поскольку глобализация сегодня так или иначе затрагивает практически каждого, никого не оставляя равнодушным к данной теме» [Чумаков 2014: 40], адекватные исследования религиозного фундаментализма также невозможны вне контекста глобализации.

Литература

- Горелов А. А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONиализма // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 52–64.
- Миронов В. В. Глобализация и угрозы унификации // Век глобализации. 2012. № 1(9). С. 20–33.
- Мирский Г. И. Политический ислам и западное общество // Полис. 2002. № 1. С. 78–86.
- Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл выступил перед студентами МГТУ имени Н. Э. Баумана и активистами движения «Россия Молодая» // Радонеж. 2007. 12 ноября.
- Степанова Е. А. Фундаментализм и мания идентичности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Вып. 8. Екатеринбург, 2008. С. 94–116.
- Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 39–51.
- Funke D. Das halbierte Selbst: Psychische Aspekte des Fundamentalismus // Fundamentalismus in den Kirchen / Hrsg. H. Kozhanek. Freiburg, 1991.
- Kramer M. Where Islam and Democracy Part Ways // Democracy in the Middle East: Defining the Challenge. Washington, 1993.